

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ: ТАИР САЛАХОВ

1. Художник как стиль

Таира Салахова знают все, знают ставшие любимыми картины, периоды творчества, большое количество всемирных наград, высоких регалий, ответственных должностей и бесчисленных добрых дел. Его все знают в лицо - он знаковая фигура мирового культурного пространства. Все страны, где в почете живопись, высоко ценят его вклад в изобразительное искусство.

Салахов – личность харизматическая, и харизма эта – наивысшего качества – харизма креативности. Его талант рожден из Солнца, Логоса и Воли. Его герой – Время. Он так же ощущает себя человеком времени. Его время – не прошлое и не будущее, это миг между ними, вечность Сегодня. Потому картины Салахова современны: они созданы энергией молодости и высоким чувством стиля.

«Существуют два способа изображения предметов, - замечает великий французский художник Матисс в «Записках художника», – один – просто показать их, другой – восхититься ими». Это определение как нельзя более подходит к салаховскому отношению к живописи – восхищение изображаемым: будь то женщина, родная земля, купающиеся в свете гладиолусы или просмоленный нефтяным воздухом труженик. Это салаховский индивидуальный метод: восхищение жизнью, ее героями, энергия влюбленности в красоту.

Из многих составляющих складывается индивидуальный стиль художника, единственное в своем роде сочетание дарования, характера, трудолюбия, мышления, культуры. Стиль – само по себе понятие емкое: есть стиль эпохи, определенной школы, стиль течения, стиль неповторимой индивидуальности. Если это большой мастер, он создает свой собственный стиль, за которым обычно идут последователи. Этим и интересен XX век, что именно он дал миру большое количество художников, дарование которых не умещается в рамки одного определенного стиля,

они больше него, они сами – стиль, как, например, Жорж Брак, числящийся везде как основатель кубизма – действительно, наиважнейшего для судеб живописи XX века направления, но как далеко ушел он от кубизма к концу своей жизни и как высоко от земли витал тогда его дух!

Бюффон говорил: стиль – это человек. Гропиус считал, что «стиль, воля к форме всегда является определяющей ценностью произведения искусства». Фрэнк Ллойд Райт же определял стиль как «следствие характера. Характер – одно из наших сильных слов. В широком смысле оно применимо к любому проявлению силы». Добавим – художественной силы, которая может быть созерцательной или яростной, прозрачной, спокойной или по-салаховски крепкой и элегантной, очень стильной. Не зря Салахов называют самым «стильным» художником советской эпохи. Даже альбомы и монографии, выпущенные о нем в советское время, разительно отличаются от остальных советских книг, посвященных выдающимся мастерам живописи – их концепция и дизайн были другими: элегантными, несоветскими, современными.

Салахов вошел в большое искусство сразу, активно, мастерски овладев манерой и стилистическим мышлением европейской живописи, и все же он – глубоко национальный, азербайджанский художник, и это составляет основу его изобразительного языка. В неореализме Таира Салахова реалистический метод совершенно адекватно и синтетически соединяется с восточной художественной ментальностью. В «Женщинах Абшерона» неореалистическая трактовка художественного образа со всей ее объемно-пластической моделировкой изображения соединяется с «ковровым» принципом «абсолютной полноты поверхности» и чисто тюркской ритмизацией, так знакомой нам по «Шахской охоте» Султана Мухаммеда. Более того, Салахов решает сверхзадачу: он ритмизирует совершенно статические, по-портретному застывшие фигуры, сместив полюс формообразования на ландшафт, на фон, на костюм, что опять же доказывает силу фактора тюркско-азербайджанского художественного мышления с его излюбленным «ковровым» принципом.

Глубинная связь Салахова с родной землей, выразившаяся в многочисленных абшеронских пейзажах, новых по стилевому языку крупноформатных «нефтяных» и «морских» композициях, портретах нефтяников, рыбаков и их семей, выкристаллизовала декоративное видение сильного по рисунку, идеального по композиции и объему масс яркого

произведения. Параллельно с героикой, Салахова привлечет оптика психологизма, вместе с тем это и время, переполненное путешествиями по миру, впитыванием впечатлений, общением, громадной работой.

2. Искусство как предчувствие.

Если до предела упростить основополагающие черты стиля Салахова, то остов, на котором зиждется его искусство, будет состоять из Света, Линии, Ритма и Времени. Это некая кристаллическая решетка его аполлонического (по художественной терминологии Ницше) таланта. В его холстах есть чистота, цельность и правда – те «Три достоинства живописи», которым посвятил свой труд Гийом Аполлинер. Они чисты, будто умыты водою и буквально по-тёрнеровски купаются в свете. Они цельны и абсолютно подходят к Альбертиевому определению: ни одна черточка не может быть здесь изменена или устранена без нарушения гармонии целого. Они предельно правдивы – это и есть чистота стиля, элегантность стилевой формы, определяющей суть вещей.

Ведь чем же иначе можно объяснить появление исполинских размеров фантастического холста «Тебе, человечество», созданного за год до полета человека в космос? Только предвосхищением, вчувствованием в близкое будущее. Летящие в воздухе гигантские нагие полубоги – полулюди были придуманы художником еще в 1960 году, как он признается, «по какому-то наитию». Размеры холста (580 x 180), его конфигурация, неудержимая звучность органной тональности, реактивность полета – какой уж тут «соцреализм»! Картина впервые была показана 12 апреля 1961 года в Баку, а сейчас является украшением Азербайджанского Национального Музея искусств.

Рассказывают, что перед каждой республиканской выставкой наблюдалось «затишье» - «интересно, что выставит Салахов?». Его работ ждали, как откровений. У него появились последователи, все стали писать широко, свободно, «сурово». Интересно, что в то время, когда художники делали себе имя, работая в военной тематике (ведь только отгремела Вторая Мировая), Салахов никогда ее не писал. Картины Таира Салахова – продукт своего времени, но созданы они чуть впереди него, его предчувствием и духовным зрением. Художник чутко чувствует время, его биение и потребности, он угадывает его героев, ведь начиная со студенческих лет и с дипломной картины огромных размеров (165x368) «С

вахты» (1957), он находит свою тему - человек на пределе своих возможностей, героический труд, красота жизни на грани. Салахов ведь пишет не рабочих, он вводит в искусство новую тему – «нефтяную» и новое видение человека - труженика, накрепко связанного с суровой стихией, он впервые в новой эстетике изображает романтический героизм труда нефтяников.

Надо сказать, что также как и в живописи, Салахов драматичен и экспрессивен и в графике, и театрально-декорационном искусстве. Многие замечательные драматические, оперные и балетные спектакли имели огромный успех также благодаря блистательной сценографии художника.

С самых первых картин выковались главные признаки салаховского стиля – монументальность мышления, сдержанный аристократизм колорита, чуть отстраненная, панорамная точка зрения на картину, четкая метроритмическая организация и активность композиции. Здесь все абсолютно в меру, идеально по взвешенности – никакого разгула, удали – и это при таких масштабах! Удивительное сочетание характера, мышления, негнбимой воли, доброты и деликатности! Вспоминаются слова величайшего французского художника Жоржа Брака: «Я люблю правила, которые корректируют эмоции. От сдерживаемых эмоций рождается благородство».

3. Каспий как вдохновение.

Салахова в теме нефти привлекала, по-видимому, романтическая связь с природой, героикой, родиной. Именно нефть определяет характер и цвет суровой абшеронской земли, отсюда палитра художника выдержана в серо-стальной гамме, тоновые соотношения так драматичны, «соперничают с природой», как любил говорить Гете.

Нефтяники Салахова написаны как мифические герои, монолитные глыбы: тут нет противопоставления Человек-Природа.

Вот, например, картина 1952 года «Волны», написана была на Нефтяных камнях с натуры. «Когда во время шторма там погибла бригада Каверочкина, одного из основателей этого морского города на сваях, я написал трагический пейзаж «Над Каспием» (там вертолет и ураган на море.) Мне важна достоверность – она потом переходит в художественный образ».

Настоящий художник всегда чувствует ритм времени, его суть и потребности. Потому он пишет новое время по-новому – сурово, романтично, брутально!

Мощные, стильные салаховские картины властно притягивали зрителя точным совпадением героической тематики суровых нефтяных будней с сильным волевым характером дарования художника. Оттого и формальный язык Салахова так нов, крупномасштабен, взгляд «кинематографичен» и предвещает стиль шестидесятых – «суровый стиль», одним из основоположников которого он назван в энциклопедиях мира.

Салахова интересует все, что связано с родной землей и Каспием. Неспроста творческая лаборатория художника, его мастерская находится в небольшом поселке Нардаран, прямо на берегу моря, где он пишет натюрморты, пейзажи, портреты: во всех них энергия Каспия.

Любям на холстах Салахова море близко, они не только добывают оттуда нефть и рыбу, они живут с ним. Потому отдыхающий рыбак («У Каспия», 1967) будто сливается с природой, он – часть её. Так же гармонично вписаны в неё нефтяники и их семьи в картинах «Утро на Каспии» (1986), «Женщины Абшерона» (1967), «Ожидание. Нардаран» (1999).

Через всю жизнь несёт Салахов интерес к стихии Каспия, и как кульминация нефтяной темы звучит написанный в 2007 году грандиозный триптих «Традиции и современность – Страна огней». Это эпические размышления художника о времени, о родине, её культуре и настоящем – арка длиною в полвека, протянутая от первой блистательной дипломной «нефтяной» работы «С вахты» до монументального полотна «Каспий сегодня» (центральная часть триптиха). Крайние его части – это два храма, святыни нашей истории – «Храм огнепоклонников» и одно из древнейших башенных сооружений на планете – символ Баку «Девичья Башня».

4. Пейзаж как окно в мир.

Альберт Швейцер как-то сказал: «Я твердо убеждён, что в смысле духовном мы все живы тем, что другие дали нам в решительные часы жизни». Часто самые важные вещи в нашей духовной жизни происходят как бы невзначай, неожиданно. Азербайджанские пейзажи Салахова всегда удивляли меня чем-то необъяснимым, чем-то, стоящим, как он выражается, «за пределами зрительного ряда», какой-то магической силой, исходящей от холста, присутствием некоего космического взгляда.

Салахов очень много ездит по миру, всегда с блокнотом, красками и холстами. Известны многие серии его путевых пейзажей, есть любимые южные, итальянские и испанские, есть французские, мексиканские,

норвежские. Есть подмосковные, есть американские – во всех них свежесть впечатления от иной культуры, архитектуры, красота элегантного, отточенного рисунка – в них энергия твердой салаховской руки гениального рисовальщика. В абшеронских же пейзажах, даже натюрмортах-пейзажах нечто большее – это размышления в творческой лаборатории, находящейся на берегу Каспийского моря.

Он пишет глиняные кувшины в проёме окна, море, скалы и кусты – но здесь постижение философии жизни, мыслительная энергия. В картине «Утренний Абшерон» (1984, кстати, год рубежный и очень продуктивный в творчестве Салахова) художник наполняет холст таким светом, таким «аполлоническим» ясным воздухом, витальной энергией оптимизма, что ты видишь не просто море, кувшины и кусты, ты знаешь, что такое быть морем, кувшином и кустом – это взаимосвязь всего со всем, вселенское бытие, тайна жизни.

Это, наверное, некое внутреннее сознание, энергия, которую художник обозначает цветом и светом. В пейзажах это «нечто» доходит до нас не только через некую фантастичность и напряженную воздержанность цвета, не только через отстраненность и точку зрения, будто с высоты полета (что делает пейзаж, например, Шемахи и Дворца Ширваншахов нереальным, застывшим в вечности), но и через исследования конструкции изображаемого: все объекты мы видим будто изнутри – сквозь их внешнюю форму высвечивается внутренний каркас. Натюрмортное решение пейзажей делает их космическими, это некий хронотоп. Это творческий метод Салахова – смотреть на пейзаж и натюрморт, будто из Космоса, будто просвечивая их X-лучами, глазами героев его полотна «Тебе, человечество». Такой метод дает возможность видения маргинальных вещей, как например, в «Натюрмorte с грушами».

Художник сочетает жанр натюрморта и пейзажа, здесь нет человека, но есть его незримая энергетика. Странная магия присуща этим картинам, написанным в мастерской в Нардаране – это в каком-то высшем смысле будто автопортрет художника, его суть, его жизнь – в жизни вещей и природы.

5. Портрет как зеркало.

Искусство всегда отвечает на фундаментальные вопросы бытия, о человеке, его месте в природе и времени. Салахов пишет эпоху и время в созидании, но более всего он решает эти проблемы в портретах.

Лицо – это всегда персона, дух времени. Лицо Фаюма, Дельфийской сивиллы Микеланджело, Венеры Боттичелли, девушек Джалаира, лицо Рембрандта – это код культуры, ключ к разгадке. Ведь как сказал Сезанн, «высшая цель искусства – это лицо!». Салахов пишет портреты из «внутренней необходимости», он – великий портретист. По характеру таланта его интересует личность с великими качествами, он пишет выдающихся людей: Караева, Амирова, Сабира, Шостаковича, Ростроповича, Раушенберга, Дали, Гессе, пишет интересные и нежные женские лица, лица любимых людей. Как он сам признается, для него портрет ценен «образом, тем, как удалось выразить суть личности и времени. И еще чем-то таким, что там, внутри, за пределами зрительного ряда». Сияющая живопись в портрете Расула Рзы (1971) светится печалью. В «Портрете Айдан» свечение возникает от впечатления, полученного от спонтанно возникшей домашней сценки, от самой модели, от виртуозно написанного белого на белом. Это, пожалуй, самый интимный портрет художника, здесь зритель чувствует всю бережность, нежность и любовь отца к дочери. Пожалуй, еще один портрет удивительно передает глубокие и нежные переживания Салахова – это портрет матери. Кроме поразительного сходства с моделью, в портрете есть некая надобразность, собирательность, высокая типизация. Это архетип Матери, излучающей спокойствие, уверенность, непоколебимость и природную Любовь.

Интересно, что как бы не был Салахов загружен работой в Суриковском институте, в Союзе Художников и Академии Художеств – каждое лето он обязательно проводит в Баку, на даче в Нардаране. Это святое время неустанного труда – время наслаждения, творчества как желания. Все его абшеронские пейзажи и натюрморты тронуты этим наслаждением: от природы, летнего зноя, морского бриза, звучности красок. Там же, на даче, летом 1984 года был написан портрет матери «Агава». Если в портрете 1980 года художник пишет мать на фоне агавы (посаженной и взращенной ее руками), будто сливая их в единое целое, то портреты 1984 года, поразительные по колористической тонкости, композиционному переплетению линий, по постановке модели – подкупают психологизмом и необычностью ракурса. Сона-ханум смотрит куда-то вдаль, за горизонт, и одновременно глубоко внутрь себя – глаз не видно из-за поворота головы. Главную смысловую нагрузку здесь несет ракурс модели, взятый в 3/4 со спины: так в тяжелом военном детстве смотрели ее

дети на мир – из-за ее плечей, защищенные ее сильной, волевой личностью, сумевшей поставить их, пятерых детей «врага народа», на ноги и указать им путь. Она одна была им крепкой опорой и корнем.

6. Жизнь как искусство.

Выдающийся английский теоретик искусства сэра Эрнст Гомбрих писал: «На самом деле нет такой вещи, как искусство. Есть только художники». Когда в душе возникают образы картин Салахова, неминуемо видишь и саму личность художника – благородную, волевою, деликатную, настоящую. Это то единственное благородство, которое выражается огромными человеческими качествами – трудолюбием во имя призвания, служением обществу, патриии, добротой и деятельным участием в жизни окружающих. На вопрос о его подходе к творчеству художник отвечает: «Надо много знать, жить с открытым сердцем и уметь чувствовать чужую душу – в беде, радости или в упоении любимым делом». Его дочь Айдан Салахова сказала в интервью: «Одна из заповедей отца, которую мы с сестрой усвоили с детства, это умение видеть достоинства работ других художников». Будучи долгие годы первым секретарем Союза Художников СССР, Салахов много потрудился для того, чтобы представить неизвестных советскому зрителю корифеев мирового изобразительного искусства. Благодаря его волевым решениям любители искусства смогли ознакомиться с творчеством таких художников, как Пикассо, Бэкон, Томайо, Юккер, Тэнгли, Манцу, Мур, Джакометти, Розенквист, Раушенберг, Моранди, Фьюмо, Дали и другие. Он открыл советским людям окно в мир современного западного искусства. Салахов постоянно и очень много делает в различных областях культуры, он огромную часть жизни отдал своим студентам в МГХИ им. Сурикова, где многие годы руководит творческой мастерской. В интервью журналу «Америка» он говорит: «Культура – это основной вопрос взаимодействия между народами. Культура – это мир. Это процветание и узнавание».

В декабре 2012 года в Баку открылся Музей Салахова в его мастерской в Ичери Шехер, который он собирается передать в дар родному городу в день своего 85-летия.

Поистине, как выразился В. Полевой, «Салахов – это айсберг, увидеть можно только его маленькую частичку». Иногда, очень редко, он изображает зеркало (в портрете супруги «Варвара с письмом» и в «Рим.

Кафе Греко»). Оно в его картинах не зеркальное, а как еще одна, новая реальность, еще один из возможных миров, где «ты как другой».

В знаменитом римском кафе «Греко», имеющем трехвековую историю, Салахов делал наброски еще в 1986 году, но в 2002 вернулся к этому сюжету. Вообще итальянская тема всегда занимала важное место в творчестве художника, но «Кафе Греко» - одна из лучших работ мастера, влюбленного в итальянскую культуру. В его большом, красивом зале в красных тонах проводили много времени Гете, Стендаль, Гоголь, Казанова, Брюллов, Мицкевич, Лист, Вагнер. Завсегдатаями кафе были оставлявшие здесь автографы Андерсен, Д'Аннунцио, Де Кирико, Тосканини, а позже Серж Лифарь, Бродский и все, любящие Рим. Салахов изобразил посетителей кафе по одиночке, сидящими за столиками. Пространство холста будто наполнено неторопливой артистической атмосферой, в центре которой ненавязчиво, намеком, из зеркала, может, из другого времени, смотрит на нас отражение художника. Может, именно в Зазеркалье можно найти ответы на извечные экзистенциальные вопросы? Здесь, в Вечном Городе, Салахов пишет свой автопортрет – среди обычных посетителей кафе «Греко».

Как любой большой художник, Салахов своим творчеством вводит зрителя в состояние рефлексии. Но есть в его работах одно интересное качество – они обнадеживают. В этом и состоит мудрость зрелого художника: творить, с интересом к жизни, не завидуя молодости и не страшась старости, ведь все мы только путешественники во времени, и от нас зависит – сделать ли это путешествие увлекательным, скучным, или творческим, альтруистическим. Это как раз и зависит от угла зрения: что ты берешь из опыта предшественников и чему учишь идущих следом.

Посыл Салахова «Тебе, человечество» - так же, как и он сам с деликатной теплой улыбкой и искрящимися глазами – вселяет веру...

Ключевые слова: Таир Салахов, суровый стиль, Абшеронская школа, живопись, независимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таир Салахов. Вступительная статья Е. Зингер. – Ленинград: Аврора, 1980.
2. Таир Салахов. Вступительная статья Ю. Осмоловского. – Москва: Советский художник, 1986.

3. Таир Салахов. – Москва: Белый город, 2003.
4. Каджар Г. Нефтяники Каспия в живописи Таира Салахова. // Caspian, London, CPHltd. 2009.

Gülrəna Mirzə (Azərbaycan)

Rəssam və zaman: Tahir Salahov

Çıxışda məşhur Azərbaycan rəssamı, bizim müasirimiz Tahir Salahovun yaradıcılığı təhlil olunur. O, Sovet dövrünün yeniliyi olan “sərt üslubun” yaradıcısı idi və eyni zamanda realizmin yeni anlayışını verən rəssamlardan idi. Çıxışda ustadın fərdi üslubuna aksent edilir, hansiki bütün sovet məkanında nümunə və örnək olmuşdur. Xüsusi diqqət rəssamın 90-cı illərdə başlamış yaradıcılıq dövrünə verilir. İlk dəfə belə bir fikir irəli sürülür ki, Salahovun Abşeron mənzərələri onun yaradıcı laboratoriyası idi və məhz bunların sayəsində rəssam digər janrlarda axtarırları davam edir və Azərbaycan incəsənətinə yeni istiqamətlər və töhvlər vermişdir.

Açar sözlər: Tahir Salahov, sərt üslub, Abşeron məktəbi, boyakarlıq, müstəqillik.

Gulrena Mirze (Azerbaijan)

Artist and time: Tahir Salahov

Famous Azerbaijani artist, our modern Tahir Salahov's creation is analysed in the paper. He is a creator of the “hard-edge style” - novelty of Soviet period, at the same time is one of the artists, who have given new concept of realism. The master's individual style, which was example and model in all Soviet Union, is mentioned in the paper. Especially, the artist's new creative period, which began in 90s, is emphasized. For the first time the idea is put forward that, Salahov's Absheron views were his creative laboratory. Especially thanks to them, the searches of artist have continued in other genres and he has given new trends, contributions to Azerbaijani art.

Keywords: Tahir Salahov, hard-edge style, Absheron school, painting, independence.